

щиеся как на территории Советской России, так и в Китае. В Тарбагатае епископ основывает второй центр епархии Иркутско-Амурской и всего Дальнего Востока (первый центр из Бардагона был перенесен в Харбин). В Тарбагатае, возле г. Верхнеудинска, располагалась резиденция епископа Афанасия (Федотова). Епархиальное управление с архивом, печатью, символами епископской власти – в Харбине при кафедральном Петропавловском соборе¹⁴. После хиротонии епископ Афанасий активно развивает церковную жизнь в вельных ему приходах не только на территории СССР, но и на территории Маньчжурии. «Он ведет активную переписку и руководит духовной жизнью старообрядческого прихода в Харбине. Харбинские старообрядцы поддерживали с ним связь по вопросам духовного характера и внутрицерковного правопорядка до 1937 г. Последнее письмо от епископа Афанасия было получено в Харбине 27 января 1937 г.»¹⁵.

Итак, приграничное положение Амурской области имело для старообрядцев как положительную, так и отрицательную стороны. Во-первых, старообрядцы, вследствие указанных причин, могли, не прилагая особых усилий, мигрировать на территорию Китая, обустривать хозяйство и быт, восстанавливать религиозную жизнь: создавать религиозные общины, строить культовые здания, открывать воскресные школы. С другой стороны, близость границы сыграла роковую роль для староверов, заведомо входивших в категорию неблагонадежного элемента. Взаимосвязь амурских и заграничных староверов стала одной из причин фальсификации уголовного дела под названием «Всероссийский союз старообрядческих братств» и последующих репрессий на древнеправославных христиан в Амурской области.

¹ Мельников-Печерский П. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 7. С. 212.

² Бутузов А. Судьба русской диаспоры // Азия и Африка сегодня. 2002. №9. С. 51.

³ Матюшенко В. С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области. Монография. Благовещенск: Изд-во «Одеон», 2014. С. 108.

⁴ Матюшенко В. С. Миграция Старообрядцев Приамурья в Маньчжурию // Религиоведение. 2008. №2. С. 41-48.

⁵ Епископ Амурско-Иркутский и всего Дальнего Востока Афанасий (в миру Амвросий Феофанович Федотов) родился 30 ноября 1879 г. в с. Тарбагатай Верхнеудинского уезда Иркутской губернии в крестьянской семье. Данных о его родителях не сохранилось. Село, где родился и вырос А.Ф. Федотов, было в основном старообрядческое. После 1905 г. А.Ф. Федотов служил в деревянном храме в Тарбагатае. Здесь он изучил церковный устав, знаменное пение. Будучи уставщиком Тарбагатайской церкви Амвросий был хиротонисан в сан священника. Рукоположение происходило 5 марта 1923 г. в г. Харбине. После 6-летнего служения в Тарбагатае в сане иерея Амвросий Феофанович Федотов был хиротонисан в сан епископа с наречением имени Афанасий. Рукоположение состоялось 6 мая 1929 г. в г. Томске, осуществлялось епископом Томско-Алтайским Тихоном (Суховым) и епископом Амфилохием (Журавлевым), временно управлявшим Иркутско-Амурской и Дальневосточной епархией.

⁶ Аргудяева Ю. В. Русское население в Трехречье // Россия и АТР. 2006. №4. С. 124.

⁷ Цукада Цутому. История старообрядцев в Трехречье в XX веке // Материалы междунар. науч. конф. «Россия и Китай в современном мире». Владивосток, 2007. С. 200.

⁸ Иванова В. Я. Воспоминания старообрядцев: Рукопись. Свободный, 2000. С. 28.

⁹ Шевнин, И. Л. История старообрядческого братства // Словесница искусств. Хабаровск, 2012. №2(30). С. 68.

¹⁰ Архив управления федеральной службы безопасности по Амурской области. Д. № 77640. Т. 1. Л. 4.

¹¹ Архив управления федеральной службы безопасности по Амурской области. Д. № 77640. Т. 1. Л. 5.

¹² Матюшенко В. С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области. Монография. Благовещенск: Изд-во «Одеон», 2014. С. 197.

¹³ Архив управления федеральной службы безопасности по Амурской области. Д. № 77640. Т. 4. Л. 700-701.

¹⁴ Матюшенко В. С. История старообрядчества Белокриницкой иерархии в Амурской области. Монография. Благовещенск: Изд-во «Одеон», 2014. С. 181.

¹⁵ Никита иеромонах (Добронравов). Старообрядцы Дальнего Востока в Китае 1917-1958 гг. [Электронный ресурс] // Семейские – староверы Забайкалья. – Режим доступа: http://www.semeyskie.ru/history_china.html (дата обращения: 06.12.2010).

Нестерова Елена Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кафедра истории и теории культуры
Российский государственный гуманитарный университет
Vlb1@mail.ru

КИТАЙЦЫ НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ (СЕРЕДИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

УДК 908

Аннотация. В статье рассматриваются потенциальные возможности получения образования китайскими мигрантами и их детьми, существовавшие в Восточно-Сибирском/ Приамурском генерал-губернаторстве в середине XIX – начале XX вв.

Ключевые слова и фразы: российский Дальний Восток, Владивосток, образование, русско-китайская школа, Ли Цзяо, китайские мигранты, японская школа.

Nesterova Elena Ivanovna, Ph.D. in History, Associate Professor
Department of Socio-Cultural Researches
Russian State University for Humanitarian
Btb1@mail.ru

CHINESE IN THE RUSSIAN FAR EAST: SOME ASPECTS OF THE SOCIAL LIFE (MID. XIX – EARLY XX CENTURIES)

Abstract. *The article examines education's potential opportunities for Chinese migrants and their children in the Eastern Siberian/ Priamur Government-general (middle XIX – early XX centuries).*

Key words and phrases: *Russian Far East, Vladivostok, education, Russian-Chinese school, Li Chiao, Chinese migrants, Japanese school.*

Очевидно, нет серьезных оснований говорить о существовании китайских школ в Приморской области в середине XIX в. Незначительное количество китайцев в тайге, преобладание сезонных мигрантов, дисбаланс половой структуры, низкий уровень грамотности основной массы, социальный состав пришедших и стоявшие перед ними цели лежали вне плоскости создания системы начального образования. Об этом писал и Л. Шренк, побывавший в Приамурье в 1854 -1856 гг. и отмечавший, что «о каких-либо общественных учреждениях, школах и т.д., как в Сунгарийском крае, здесь, даже среди сравнительно лучшей части населения – я разумею мелких оседлых земледельцев или купцов, пришедших сюда из Сан-сина и Нингуты, - нет и помину»¹.

Несмотря на это среди подданных Цинской империи, находившихся в Уссурийской тайге, были и грамотные люди. Е.С. Бурачек описывал посещение в 1862 г. фанзы богатого китайца, жившего неподалеку от бухты Славянской. При входе в дом стоял «шкаф русской работы, в котором было несколько книг, доказывавших, что китаец принадлежал к числу грамотных»². Из разговора выяснилось, что хозяин фанзы «знает до 4000 знаков (т.е. может читать все книги и потому с утра до вечера занимается чтением)»³. Раньше он жил в Пекине, был богат, имел трех наложниц, но проблемы с губернатором Пекина вынудили его бежать не только из столицы, но и избегать более-менее обжитых районов империи. К сожалению, изученность источниковой базы на сегодняшний день такова, что невозможно сделать вывод о численности подобных китайцев на российском Дальнем Востоке в этот период.

Сведения о возникновении китайских школ для детей местного аборигенного населения и детей от смешанных браков относятся к началу XX в. Такие школы существовали в стойбищах и селениях в долинах рек Судзухе, Вангоу, Тадуши, Такэмы. Обучение в них было платным, ежегодный взнос, выплачивавшийся родителями за одного ученика, составлял 10 рублей⁴. Традиционно в Китае начальный курс обучения составлял 7-8 лет. Сначала ученики со слов учителя заучивали «Сань цзы цзин» («Троеслово»), затем «Цянь цзы вэнь» («Книга тысячи иероглифов») и «Бай цзя син» («Список фамильных знаков»). Изучив около 2-3 тысяч иероглифов, приобрета элементарные сведения по арифметике и китайской истории, многие заканчивали свое образование⁵. В школах, существовавших на территории России, курс обучения длился три года. За это время ученики изучали китайский язык, иероглифику, знакомились с историей Китая и китайской этикой⁶. Методика преподавания и режим занятий были традиционны для начальной китайской школы. Занятия, начинавшиеся с восходом солнца и продолжавшиеся до вечера, были ежедневными. Исключение составляли праздничные дни и новогодние каникулы. Школьное время не делилось на уроки и перемены, в день допускался лишь один небольшой перерыв – на обед. Основным методом обучения являлось зазубривание классических текстов⁷.

Разумеется, русскую администрацию не устраивало подобное положение дел, т.к. дети, получившие образование в этих школах, были ориентированы на китайскую культурную традицию. Однако на то, чтобы реально изменить ситуацию, сил не хватало. В конце XIX в. на территории Дальнего Востока не было ни одной школы Министерства народного просвещения для местных народов. Функционировали всего лишь 24 церковноприходские (при церквях) и 14 (по данным О.П. Федирко, 18) миссионерских (непосредственно в стойбищах) школ, но лишь некоторые (Никольская, Марковская и ряд других) работали стабильно. Из-за нехватки топлива, болезни или отсутствия учителей, неяски учащихся нередко учебный год ограничивался двумя-тремя месяцами. В связи с тем что основной акцент в просвещении «инородцев» был сделан не на образование, а на христианизацию и русификацию, основным предметом являлся закон божий. Однако и в таких школах китайцев было немного. По данным О.Б. Лынша, в 1893 г. из всех миссионерских школ только в школе при Мариинском миссионерском стане обучались 4 китайских мальчика. Занятия в школе были бесплатными⁸. Предложение В.В. Крестовского, изложенное в записке «О положении и нуждах Южно-Уссурийского края», было проигнорировано. Меж тем еще в 1881 г. В.В. Крестовский писал о необходимости создания миссионерской школы для китайских детей, которых «уже немало шатается по Владивостоку». Он предлагал обучать их русской грамоте, письму, элементарным понятиям о России, русской истории и законодательстве. Признавая это областью благих пожеланий, Крестовский все же считал, что при реализации таких мер из китайцев со временем может образоваться сословие, существенно способствующее экономическому благосостоянию Владивостока⁹.

В начале XX в. была предпринята попытка слияния инородческих миссионерских и русских церковно-приходских школ. На их базе создавали «смешанные» школы с подготовительными отделениями и пансионатами для детей коренного населения. Просуществовали подобные школы недолго, уже в период с 1905 по 1907 гг. «смешанные» школы были реорганизованы, а пансионаты закрыты¹⁰.

С возникновением значительных по численности китайских общин в дальневосточных русских городах встал вопрос об открытии школ, в которых бы получали образование китайцы. В китайской общине Приморской области, по данным переписи 1897 г., грамотными были 32,3% мужчин и 5,9% женщин¹¹.

Всерьез об открытии китайской школы заговорили в 1895-1896 гг., когда владивостокскими китайцами было собрано 10 тысяч рублей для открытия школы в память «празднования священного коронавания Их императорских величеств». Газета «Владивосток» высказала сомнение в целесообразности такой траты денег. «Для китайцев, к сожалению, эта школа никакого практического значения не имеет, ибо почти все живущие здесь китайцы люди бесхозяйные, детей школьного возраста среди них вовсе не имеется. Для местных китайцев имела бы смысл только школа с вечерними курсами для взрослых, т.к. и теперь большой процент молодых китайцев усердно изучает русский язык»¹².

По всей видимости, малочисленность потенциальных учеников повлияла на планы местной администрации. Городская Управа приняла решение о начале строительства смешанной русско-китайской школы. В связи с этим весной 1897 г. было объявлено о сдаче с торгов постройки здания для русско-китайской школы, после чего закипела работа по его возведению.

27 октября 1897 г. в присутствии военного губернатора Приморской области Д.И. Суботича, учебного начальства и китайского коммерческого агента Ли Цзяо состоялось открытие нового Владивостокского городского приходского училища (русско-китайской школы). Школа, здание которой располагалось в центре города, на Китайской улице, была учреждена на средства города и китайского общественного управления. Китайское управление дало деньги на постройку школы, а город брал на себя ее дальнейшее содержание. По решению городской Управы 10 % от общего числа учащихся должны были составлять китайские дети. По имевшимся в распоряжении газеты «Владивосток» сведениям не все китайцы были довольны размером квоты, считая, что она мала, и предлагая увеличить ее до 30–40 %¹³. В день открытия училища за парты село 49 ребят, среди которых правда не было ни одного китайца. Этот факт привлек внимание местной прессы. Газета «Владивосток», освещавшая это событие, поставила вопрос: «Почему так произошло?». «Китайцы не хотят учиться в русской школе или же не знают о своих правах?». Автор заметки склонялся ко второму варианту, предлагая оповестить китайцев о возможности получения образования¹⁴. В последующие годы число учащихся неуклонно увеличивалось. В отчете, помещенном в «Обзоре Приморской области за 1897 г.», отмечено, что в школе обучалось 50 учеников¹⁵. Несколько позже в школе уже было 95 учащихся, из них 5 китайских и 5 корейских мальчиков¹⁶. Спустя два года, к 1 января 1899 г. в Русско-китайской школе числилось 100 учеников, из них 15 китайцев¹⁷. К 1 января 1900 г. число детей, посещавших эту школу, несколько уменьшилось, достигнув 95 человек. Конфессиональный состав учащихся был следующим: большинство составляли православные (76 человек), второе место по численности занимали буддисты (16 человек), третье – приверженцы иудаизма (2 человека) и последнее католики (1 учащийся). Разным было и социальное положение детей: 47,4 % (45 человек) составляли выходцы из городских сословий, 22,1 % (21 учащийся) из сельских, 5,3 % (5 человек) дети казаков, 4,2 % (4 человека) дети дворян и чиновников. Отдельной строкой шли дети корейцев, подданных Российской империи, – 5 человек (5,3 %) и дети китайцев – 15 человек (15,7 %). В последующие годы число учеников постоянно росло, достигнув в 1914 г. 195 человек.

Первоначально планировалось назвать школу Городской Приходской, но в конце 1899 г. в жизни училища произошли значительные изменения, 30 января 1899 г. с высочайшего соизволения русско-китайскому училищу было присвоено наименование «Николаевского»¹⁸.

Фактически с момента основания и на протяжении последующих пятнадцати лет заведовал училищем Степан Яковлевич Серебряков. Почетным попечителем являлся известный владивостокский купец-меценат Михаил Иванович Суворов.

В штате училища состояли один законоучитель, получивший образование в духовном училище, и два учителя, имевшие за плечами учительскую семинарию. При открытии школы старшим учителем назначили выпускника Петербургского учительского института, бывшего инспектора Усть-Каменогорского училища и бывшего городского голову Усть-Каменогорска Локотко. Второго учителя тоже планировали пригласить из Петербурга¹⁹.

Первоначально китайские дети посещали уроки наравне со всеми, но слабое знание русского языка мешало им полноценно учиться. Ситуацию спас М.И. Суворов, из своих средств он оплатил дополнительные вечерние занятия по русскому языку для нуждающихся²⁰.

Училище было неплохо укомплектовано литературой и методическими пособиями. В фундаментальной и ученической библиотеках насчитывалось более 400 книг; имелись глобус, географические карты, картины для наглядного обучения по русской и священной истории, таблицы для рисования, классные счеты²¹. Инспекция во главе с П. Соколовским, направленная министром народного просвещения в 1913 г. для сбора сведений о состоянии учебного дела в Восточной Сибири, Забайкалье и Приамурском крае, отметила Николаевское учи-

лице как имевшее одну из лучших библиотек среди осмотренных школ. По данным комиссии, в 1913 г. в училище насчитывалось 219 томов в учительской библиотеке и 926 в ученической²².

К сожалению, в распоряжении автора нет полных данных о том, кто из китайцев закончил это училище и как сложилась жизнь этих людей. Одним из учеников училища, окончившим его с правом на классный чин, был Макарий Александрович Михайлов-Киселевский (1892 – 1938), сын китайского подданного Александра Михайловича Михайлова-Киселевского²³. Судьба его сложилась трагично. После установления советской власти в Приморье Макарий Александрович остался во Владивостоке, в партию не вступал, работал бухгалтером. В 1937 г., будучи главным бухгалтером на баночной фабрике АКО, он был обвинен в антисоветской агитации и 5 октября арестован. 9 декабря 1937 г. судом тройки при НКВД его приговорили к высшей мере наказания, а 26 февраля 1938 г. приговор привели в исполнение. Через 20 лет постановлением Президиума Приморского краевого суда от 23 января 1958 г. Макарий Александрович Михайлов-Киселевский был реабилитирован²⁴.

Не найдены пока и материалы о том, как протекала школьная жизнь, каковы были отношения между детьми разных национальностей. Сложно судить, насколько оправданы были опасения журналистов газеты «Владивосток», предлагавших «хотя бы на время обособить учеников китайцев от русских, т.к. в противном случае учительскому персоналу придется много возиться с разбирательством разных недоразумений между учениками китайцами и русскими, которые без сомнения будут всячески изводить первых»²⁵.

Русско-китайское училище было не единственной возможностью получения образования. При хорошем знании русского языка как дети китайцев, так и потомство от смешанных браков могли получить образование в обычных русских гимназиях и школах. Тому немало примеров. Сын Тифонтая – Владимир учился в Гатчинском институте под Петербургом, дочь Ехоалина – Ксения в Хабаровской женской гимназии, сын Сунфу – Иосиф в гимназии при Восточном институте во Владивостоке²⁶. В 1911 – 1912 гг. во Владивостокском коммерческом училище обучались два китайских подростка²⁷.

Для обеспечения возможности обучения китайские общества в русских городах периодически учреждали специальные стипендии. Во Владивостоке в 1897 г. были собраны и переданы городской администрации деньги для учреждения двух стипендий в городской гимназии. Первая (стипендиальный фонд 4000 рублей) имени П.Ф. Унтербергера, к тому моменту уже назначенного губернатором в Нижний Новгород, имела обязательное условие – один из стипендиатов должен быть китайского происхождения. Вторая стипендия также была именной, она носила имя бывшего владивостокского полицмейстера Ф.И. Петрова²⁸. В Хабаровске китайское население собрало на образование стипендии имени Н.Л. Гондатти около 2 тысяч рублей²⁹. Незадолго до обстрела Благовещенска губернатор провинции Хэйлунцзян Шоу Шань послал туда деньги на строительство русской школы для китайских детей³⁰.

В то же время коммерческий агент Ли Цзяо стал ходатайствовать перед китайским МИДом об открытии во Владивостоке училища при агентстве. Он отмечал, что во Владивостоке живет много состоятельных китайцев, которые умеют только писать и читать, но не знают отечественной литературы, географии, истории. Детей они вынуждены отдавать в русские учебные заведения, в результате чего подрастающее поколение оставалось незнакомым со своим отечеством.

Открытие Русско-Китайской школы, по его мнению не меняло положение, т.к. количество китайских учеников было незначительным (не более 20 детей), кроме того, школьная программа включала в себя общеобразовательные предметы, а «из китайской темы» только письмо, чтение, разговорный язык. Для исправления ситуации Ли Цзяо предлагал собрать по подписке деньги и организовать при агентстве школу, в которой китайским детям преподавалась бы китайская литература, география, история. «Получившие таким образом всестороннее образование китайцы будут впоследствии весьма полезны не только для общественной и коммерческой деятельности, но в особенности и для правительства обеих стран»³¹.

Российских властей не очень устраивала перспектива открытия неподконтрольных им школ, и решение вопроса было отложено в долгий ящик. Однако идея открытия собственных китайских школ продолжала существовать. Известно, что воплотить ее в жизнь удалось в Хабаровске. По данным О.Б. Лынша, там для китайских детей была открыта частная школа, в которой обучалось около 100 человек³². Предпринимались попытки открыть подобную школу во Владивостоке. Весной 1915 г. китайский генеральный консул во Владивостоке Лу Шиюань обратился к Приамурскому генерал-губернатору со следующим ходатайством: «Местное китайское население неоднократно обращалось ко мне через Владивостокское китайское общество взаимного вспомоществования за содействием дать китайским детям начальное образование посредством открытия в г. Владивостоке школы». Далее он просил разрешения открыть во Владивостоке школу для китайских детей по примеру разрешенной российским правительством японской школы³³.

На ходатайство Лу Шиюаня приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти наложил резолюцию: «Я этого ожидал. Справку, как была разрешена японская школа. 20.04.1915 г.»³⁴.

Следует напомнить, что японская школа была организована японской общиной г. Владивостока при буддийской молельне в 1894 г. Первоначально школа существовала на пожертвования, а с 1902 г. за счет расходов коммерческого агента и местного японского общества. После перерыва, вызванного русско-японской войной, школа вновь открылась 2 сентября 1907 г.³⁵.

В конце 1908 г. японским консульством было возбуждено ходатайство о придании школе официального статуса, а спустя пять лет, в июне 1913 г., Министерство народного просвещения Российской империи это хо-

датайство удовлетворило. В школе разрешалось преподавание всех предметов на японском языке, кроме русского языка, истории и географии России.

Японская школа, построенная на пожертвования японских жителей г. Владивостока, размещалась в собственном деревянном двухэтажном здании, расположенном в центре города – на улице Фонтанной. Управлялась школа Попечительством, состоявшим из избравшихся на один год японцами г. Владивостока и утверждавшихся консулом председателем и семи членами. В 1915 г. председателем попечительства был купец Хорие Наозо. На плечах Попечительского совета лежало изыскание средств на содержание школы (все японцы жители Владивостока облагались для этой цели налогом), наблюдение за учебной и хозяйственной частью, найм учителей, взаимодействие с местной русской инспекцией Народных училищ. Попечительство подчинялось консулу и через него получало инструкции от японского Министерства Народного просвещения. Учебный год длился 230 дней, с 1 апреля по 30 марта следующего года. Два раза в год устраивались каникулы – зимние (с 20 декабря по 1 февраля) и летние (с 1 по 10 августа), кроме того дети не учились в дни японских торжеств и в русские царские торжественные дни³⁶.

Школу посещали как дети (младшая и старшая группы), так и взрослые, изучавшие русский язык. Ученики младшей группы, мальчики и девочки, начиная с шестилетнего возраста, в течение шести лет должны были изучать японский язык, арифметику, этику, географию и историю Японии, природоведение, русский язык, географию и историю России, рисование, пение, гимнастику, а девочки еще и рукоделие. Следует отметить, что начальное шестилетнее образование по «Закону о начальных школах» 1907 г. было обязательным во всей Японии³⁷.

По окончании шестилетнего обучения в младшей школе ученики для продолжения образования могли поступать в гимназию. Неимеющим возможность поступить в гимназию разрешалось пройти двухгодичный курс старшей группы. Успешно окончившие его зачислялись в 1 класс гимназии без экзаменов³⁸.

Получив информацию об организации японской школы во Владивостоке, Н.Л. Гондатти распорядился запросить инспектора народных училищ Владивостокского района о том, как работает эта школа и исполняются ли требования преподавания на русском языке предписанных при открытии учебного заведения предметов. Принятие решения об открытии китайской школы было поставлено в прямую зависимость от результатов проверки японской школы³⁹. Выяснилось, что на момент проверки в младшей и старшей группах обучалось 165 детей: 87 мальчиков и 78 девочек. Школу возглавлял Акаси Ясуши, преподавали в ней дипломированные японские учителя Кавасима Бунго, Такахира Кионозю, Нароока Масатака, Кавасима Икуе, Идзуми Дионоске, Кавасима Хидео и русский подданный Карецкий. Как и предполагал Н.Л. Гондатти, в школе не велись на русском языке история и география России, обязательные для изучения. Объяснялось это тем, что для их изучения не хватало срока обучения в школе. Преподавание русского языка начиналось в 5 классе младшей школы и ограничивалось чтением и переводом текстов на японский язык. Как только дети более-менее осваивались с русским языком (5 и 6 классы младшей школы, 1 и 2 классы старшей) школьный курс заканчивался.

Учитывая общеполитическую ситуацию и позицию генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, решить вопрос до революции не удалось. О.В. Залесская отмечает, что до «Октября 1917 г. в России не было школ с преподаванием предметов на китайском языке»⁴⁰. Тем не менее в 1924 г. во Владивостоке существовала частная китайская школа, в которой работали четыре китайских учителя, обучавшие 106 детей. Содержалась эта школа за счет китайского общества, ежегодно выделявшего на ее нужды 2600 рублей⁴¹. К сожалению, установить время открытия этой школы пока не удалось.

Планомерное создание национальных школ, в том числе и китайских, начинается в 20-е гг. Все национальные школы перешли на преподавание на родном языке, русский язык стал отдельным предметом. В 1923 г. была создана программа обучения в китайских школах. В 1927/1928 учебном году в ДВК насчитывались 4 государственные китайские школы 1 ступени с общим количеством 127 учеников, кроме того, в обычных школах образовывались «китайские» классы. Так, в 1925 г. в одной из школ Благовещенска была специально организована группа обучения китайских детей для 50 человек. С ними работали два китайских учителя и один русский, в программу были включены китайский и русский языки, музыка, рисование, физкультура⁴².

Таким образом, в силу специфики сложившейся ситуации до революции местная администрация не считала нужным создавать и не предпринимала каких-либо действенных мер по формированию постоянно действующих образовательных институций для китайцев.

¹ Шренк Л. Об инородцах Амурского края. СПб., 1883. Т. 1. С. 70.

² Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999. С. 47.

³ Там же. С. 49.

⁴ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1989. С. 93; РГИАДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 624, л. 227 об.

⁵ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск, 2000. С. 407; Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001. С.193.

⁶ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем С. 93.

⁷ Сидихменов В.Я. Китай: страницы прошлого... С. 409, 411; Васильев Л.С. Культы, религии, традиции... С.192.

⁸ Лынша О.Б. Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов Нижнего Амура во второй половине XIX в. // Русская Америка: Материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8-12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007. Режим доступа <http://pribaiкал.ru/project-item/article/4922.html>

- ⁹ РГВИА. Ф. 400, оп. 1, д. 856. Л. 196.
- ¹⁰ Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв. М., 1985. С. 146; Федирко О.П. Православное образование в Приамурье (1862 – 1918 гг.) // Россия и АТР. 2002. - № 2. С. 28, 29.
- ¹¹ Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 53.
- ¹² Владивосток. 1896. № 21. С. 6.
- ¹³ Владивосток. 1897. № 22. С. 9.
- ¹⁴ Владивосток. 1897. № 45. С.3.
- ¹⁵ Обзор Приморской области за 1897 г. Владивосток: Типография Приморского областного правления, 1899. Приложение 8.
- ¹⁶ Лынша О.Б. История образования на Дальнем Востоке России. 1860 – 1917 гг. Дис.... к.и.н., Уссурийск, 1999. С. 153.
- ¹⁷ Обзор Приморской области за 1899 г. Владивосток: Типография Приморского областного правления. 1901, Тб. 8
- ¹⁸ Приамурские ведомости. Приложение к № 321 от 16.02. 1900.
- ¹⁹ Владивосток. 1897. № 40. С. 7.
- ²⁰ Петров А.И. История китайцев в России. СПб., 2003. С. 729-730.
- ²¹ РГИАДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 220. ЛЛ. 16 – 19.
- ²² Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков, 1914. С. 73.
- ²³ РГИАДВ. Ф. 1, оп. 12, д.562. Л. 266.
- ²⁴ Жертвы политического террора в СССР. Режим доступа <http://lists.memo.ru/d23/f93.htm>
- ²⁵ Владивосток. 1897. № 19. С. 4.
- ²⁶ Нестерова Е.И. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы // Диаспоры. 2003. № 2. С. 19; История ДВГУ в документах и материалах (1899–1939 гг.). Владивосток, 1999. С. 111.
- ²⁷ Петров А.И. История китайцев в России... С. 730.
- ²⁸ Владивосток. 1897. № 23. С. 7; № 39. С. 5
- ²⁹ Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке. 1916. - № 6. С. 11.
- ³⁰ Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900. СПб., 1996. С. 51.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 243. Л. 27.
- ³² Лынша О.Б. История образования на Дальнем... С... 153.
- ³³ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 72. Л. 74.
- ³⁴ Там же
- ³⁵ Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье... С. 53.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 72. ЛЛ. 69-70, 71 об., 73.
- ³⁷ Гришелева Л.Д., Чегодарь Н.И. Японская культура Нового времени. М., 1998. С. 40.
- ³⁸ Воспоминания об учебе в японской школе во Владивостоке в конце 20-х гг. см. Сирень и война.
- ³⁹ АВПРИ. Ф. 327. Чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, оп. 579, д. 72.Л. 75.
- ⁴⁰ Залеская О.В. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.) Владивосток, 2009. С. 169.
- ⁴¹ Там же. С. 170.
- ⁴² Там же. С. 172-173.

Николаев Дмитрий Андреевич, канд. ист. наук, доцент
 Кафедра историографии и источниковедения
 Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского
 dmnikolaeff@mail.ru

ОБРАЗ КИТАЯ ПЕРИОДА ВОССТАНИЯ ИХЭТУАНЬ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ ГЕНЕРАЛА К.В.ЦЕРПИЦКОГО

УДК 930. 25

Аннотация. На основе эпистолярного наследия генерала К.В. Церпицкого рассмотрен образ Китая в эпоху восстания ихэтуань

Ключевые слова и фразы: Азиатско-Тихоокеанский регион; Восточная Маньчжурия; восстание боксеров; генерал К.В. Церпицкий; экспедиционный корпус; эпистолярное наследие.

Nikolaev Dmitry Andreevich, Ph.D. in History, Associate Professor
 Department of Historiography and Sources Study
 Nizhny Novgorod State N.I.Lobachevsky University
 dmnikolaeff@mail.ru

THE CHINA IMAGE DURING THE PERIOD OF REBELLION IHETUAN IN K.V.TSERPITSKY EPISTOLARY LEGASY

Abstract. On the basis of K.V. Tserpitsky epistolary legasy the China image is examined during the epoch of rebellion ihetuan

Key words and phrases: Asia Quiet Ocean region; East Manchjouria; expeditionary corps; epistolary legasy; general K.V. Tserpitsky; revolt of boxers.